

ждали света. Гендрикова мне шепнула, с чых-то слов, что нас отведут в пересыльную тюрьму, а потом отправят в Москву или Петроград. Я не стал ей возражать, хотя и ясно видел, куда нас поведут. В полночь с 21 на 22 августа старого стиля в камеру вошёл надзиратель и спросил: «Кто Волков?» Я отозвался. «Одевайтесь, пойдёте». Я стал одеваться. Смирнов тоже оделся и, сам сильно взволнованный, успокаивал меня. Я отдал ему бывшие у меня золотые вещи; мы попрощались, поцеловались. Смирнов сказал мне: «И моя участь, Алексей Андреевич, такая же, как ваша».

Пришёл с надзирателем в контору, где уже ожидали трое вооружённых солдат. <...> Послали поторопить Гендрикову и Шнейдер. Скоро подошли и они в сопровождении надзирателя. Тотчас, под конвоем трёх солдат, очень славных русских парней, тронулись в путь. Он был не особенно далёк. На вопрос, куда нас ведут, солдат ответил, что в арестный дом. Здесь нас ожидали ещё восемь человек: пять мужчин и три женщины. Между ними были Знамеровская и горничная той гостиницы, где жил великий князь Михаил Александрович. Таким образом, нас всех оказалось одиннадцать человек...» (цитируется по книге Н. Соколова «Убийство царской семьи»).

Сравнивая два документа — материал допроса А. Волкова и воспоминания, написанные позже самим бывшим камердинером, мы находим важные подробности, ускользнувшие из внимания следователя. Детали характеризуют психологическое состояние как палачей, так и их жертв.

Оказывается, Анастасия Гендрикова пошла в уборную и спросила конвойного о том, куда их поведут из тюрьмы. Солдат ответил, что в пересыльную тюрьму. «А потом?» — спросила Гендрикова. «Ну, а потом — в Москву», — ответил конвойный. Пересказывая свой разговор с солдатом, графиня сделала пальцами жест: «Нас так (*т. е. расстреливать* — В. Г.) не будут». Один из охранников, матрос, уже одетый, весёлый (!), с папироской во рту, не раз выходил на улицу — очевидно, смотрел, не рассветает ли.

«...Вывели нас на улицу, — пишет Волков, — выстроили попарно, впереди мужчин, позади женщин, и повели. Провели через весь город, вывели на Сибирский тракт, город остался позади. Я думаю: где же пересыльная тюрьма? И в душу закралось подозрение: не на смерть ли нас ведут? Впереди меня шёл мужчина. Я спросил его, где пересыльная тюрьма.

— Давным-давно её миновали, — был ответ. — Я сам тюремный инспектор.

— Значит, нас ведут на расстрел?

— Какой вы наивный. Да это и к лучшему...»

Сцену прощания один из узников пермской тюрьмы, С. Н. Смирнов, вспоминал во время допроса у Н. А. Соколова так:

«...Вечером 21 августа (3 сентября) я сидел почему-то позже обыкновенного, читая «Екатерину II» Брикнера. Наши уже легли. Была мертвая тишина. <...> Около одиннадцати я уменьшил огонь, разделся, помолился, что привык делать

аккуратно утром и вечером, накрылся своей охотничьей буркой и скоро заснул. Но вот сквозь сон услышал я шум шагов в коридоре, потом звон ключей, посмотрев на часы, я увидел без десяти двенадцать. Ключ вставляли в нашу дверь, открыли, на фоне света в коридоре образовалась фигура надзирателя. В такой час посещение было зловеще.

«Который тут Волков?» — спросил надзиратель. Все проснулись, и Волков ответил: «Я». — «Одевайся».

Одевшись, Волков подошёл ко мне, передал мне форменный жилет с золотыми часами и обручальное кольцо, прося передать жене. Потом посмотрел на икону и, крестясь, прошептал: «Боже мой, Боже мой, Боже мой», перекрестился трижды, поцеловался со мной и ушёл. Защёлкнул замок, и всё затихло. Никто

из нас не спал. <...> Но вот послышались вновь шаги в коридоре, приближавшиеся вновь к нашей камере. Я понял, что идут за мной, и начал одеваться, чтобы идти на казнь. Меня начала бить холодная лихорадка. <...> Щёлкнул замок. Я ждал вопроса: «Который тут Смирнов?» Я стал читать «Отче наш». Открылась дверь, и на свету обрисовалась фигура Волкова. «Не беспокойтесь, меня переводят в арестный дом, разрешили взять

вещи». Быстро собрал он свой свёрток в газете, я ему подал жилет, но он его не взял: «Нет, нет, нет, оставьте у себя».

До утра я не спал: тотчас после проверки узнали мы, выйдя в коридор умываться, что внизу в эту ночь, в это же время увели Гендрикову и Шнейдер и что арестовали начальника тюрьмы. Настроение у всех было подавленное. Я пошёл к Павлову и попросил не оставлять княгиню одну; сейчас же он перевёл к ней гувернантку или учительницу-француженку, арестованную, когда хватили всех иностранцев. Потом княгиня рассказала мне про уход Анастасии Васильевны и Екатерины Адольфовны. Точно так же называли их фамилии. Они спали. Анастасия Васильевна вскочила, сказала «Са у ест»*, быстро оделась, подошла к столу, на котором лежала какая-то книга, написала на ней карандашом в адрес своей сестры Балашевой в Кисловодске. Затем она сказала княгине: «Si quelque chose m'arrive...»**

Их увели.

Через некоторое время княгиня Елена Сербская узнала, что произошло во время допроса женщин в Чека. Анастасию Васильевну спросили, добровольно ли она поехала за царской семьёй. Она ответила утвердительно и гордо.

А вот как удалось бежать Алексею Волкову. Произошло это уже в районе свалочного места, где-то на пятой версте по Сибирскому тракту (примерно там, где теперь стоит часовня св. Андроника Пермского). «...Повели нас за город, — вспоминает Волков. — Кончились строения, показался лесок. Стали мы подходить, должно быть, к месту казни нашей, потому что наши палачи стали услужливо предлагать свои услуги: «Позвольте, я понесу ваши вещи», очевидно, каждый желал сейчас же завладеть нашими вещами, чтобы потом не делиться ими

* Явились (фр.). ** Если со мной что-то случится... (фр.).

СТРЕМЯСЬ ВЫРВАТЬ ЦАРСКУЮ ФАМИЛИЮ С КОРНЕМ, БОЛЬШЕВИКИ УБИРАЛИ ВСЕХ СВИДЕТЕЛЕЙ, НЕ ЩАДИЛИ И ОБЫЧНЫХ ОБЫВАТЕЛЕЙ